

Вектор Ал

За кулисами мирового господства

Вектор Ал

За кулисами мирового господства

«Автор»

2026

Ал В.

За кулисами мирового господства / В. Ал — «Автор», 2026

Мир, где память — не дар, а угроза. Где прошлое стирают не бомбами, а тишиной. Марк слышит чужие воспоминания, как шёпот сквозь стены. Лиза рисует то, чего ещё не было, и страницы её альбома становятся картой правды. Барс не верит ни в магию, ни в чудеса — только в людей, которые не сдаются. Вместе они идут по следам Общества Времени — туда, где реальность перекраивают через чувство вины и коллективное сомнение. От Херсона до Питера они учатся главному: чтобы спасти город, не обязательно брать оружие. Достаточно не дать ему забыть себя. «За кулисами мирового заговора. Книга 1: Те, кого нельзя стереть» — это история о том, как память становится сопротивлением, а правда — самым опасным оружием.

© Ал В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вектор Ал

За кулисами мирового господства

Глава

Часть 1: Те, кого нельзя стереть».

Глава 1. Тень в архиве

Архив городской библиотеки пах старой бумагой и пылью — тот самый запах, который будто хранит чужие секреты. Марк склонился над пожелтевшей газетной вырезкой 1987 года, где в углу мелким шрифтом было напечатано: «Неизвестный объект замечен над обсерваторией». Он уже третий час перебирал подшивки, и эта строчка почему-то не давала ему покоя.

— Ты опять тут? — голос Лизы прозвучал неожиданно громко в тишине читального зала. Она поставила рядом стаканчик с остывшим кофе. — Ты уже неделю только про эту обсерваторию и читаешь.

Марк поднял глаза. В них было что-то такое — смесь азарта и тревоги.

— Смотри, — он ткнул пальцем в вырезку. — Это не про НЛО. Это про них.

Лиза закатила глаза, но любопытство всё равно взяло верх.

— Про кого?

— Про тех, кто всё решает. Про тех, кто дергает за ниточки. Я нашёл ещё три упоминания в разных газетах — все про одно и то же место, все в один и тот же день, но в разных городах. Как будто кто-то специально заметал следы, оставляя эти крошечные зацепки.

Лиза присела на край стола, уже не иронизируя.

— Марк, ты серьёзно? Ты думаешь, это какой-то заговор?

Он не ответил. Вместо этого достал из рюкзака потрёпанную тетрадь, исписанную его мелким почерком, и открыл на странице, где поверх карты города были нарисованы пересекающиеся линии.

— Я думаю, что это только начало. И если мы не посмотрим туда сегодня ночью, мы никогда не узнаем, что на самом деле случилось в восемьдесят седьмом.

Глава 2. Тени на дороге

Ночь накрыла город плотной, почти осязаемой темнотой. Улицы, ещё пару часов назад гудевшие от машин и голосов, теперь казались декорациями к фильму ужасов: фонари горели через один, а тени от деревьев ложились на асфальт неестественно длинными чёрными полосами.

Марк и Лиза шли быстро, почти бежали, стараясь не смотреть по сторонам. Рюкзак Марка тяжело колотился о спину — в нём лежали фонарик, старая карта и та самая тетрадь. Лиза сжимала в руке телефон, будто он мог защитить от чего-то, что пряталось в темноте.

— Ты уверен, что нам туда надо? — прошептала она, когда они свернули с главной улицы на узкую тропинку, ведущую к холму. Там, на вершине, стояла старая заброшенная обсерватория — серая, угрюмая, с выбитыми стёклами, похожая на скелет древнего чудовища.

— Уверен, — коротко бросил Марк. Он не хотел признаваться даже себе, что тоже боится. Но страх был не от темноты. Страх был от того, что он, возможно, прав. Что за этими стенами прячется то, что не должно быть найдено.

Тропинка резко пошла вверх. Камни скользили под ногами, ветки цеплялись за одежду. Когда они наконец выбрались на площадку перед зданием, ветер ударил в лицо, будто пытаясь развернуть их обратно.

Обсерватория смотрела на них чёрными провалами окон. Дверь была сорвана с петель и валялась рядом, припорошённая пылью.

— Ну вот, — выдохнула Лиза. — Добро пожаловать в самое жуткое место города.

Марк шагнул вперёд первым.

Внутри пахло сыростью и ржавчиной. Луч фонарика выхватывал из темноты куски прошлого: сломанный телескоп, рассыпавшиеся журналы, обрывки проводов. Марк водил светом по стенам, пока луч не замер на чём-то странном.

В центре круглой комнаты, прямо на полу, была нарисована огромная пентаграмма. Но не обычная, а какая-то... неправильная. Линии пересекались под странными углами, а в углах были выцарапаны символы, которых Марк никогда раньше не видел.

Лиза тихо ахнула.

— Это что, ритуал? — её голос дрожал.

— Не знаю, — Марк опустил на корточки, осторожно проводя пальцем по одной из линий. — Но посмотри сюда.

Рядом с одним из углов лежал небольшой металлический предмет — медальон на тонкой цепочке. На его поверхности был выбит тот же символ, что и в тетради Марка. Тот самый, который он нашёл в газетной вырезке.

Он поднял медальон. Металл был холодным, почти ледяным.

И в этот момент где-то наверху скрипнула половица.

Марк резко выключил фонарик. Тьма накрыла их мгновенно, густая и тяжёлая.

— Кто здесь? — тихо, но твёрдо спросил он в темноту.

Ответа не было. Но в тишине, которая последовала за его словами, чувствовалось чьё-то присутствие. Кто-то стоял наверху и слушал.

Глава 3. Голос из темноты

Тишина звенела в ушах, и от этого казалось, что даже дыхание звучит как крик. Марк сидел на корточках, не шевелясь, сжимая в руке ледяной медальон. Лиза прижалась спиной к стене, её пальцы впились в рукав его куртки.

Скрип повторился — уже не просто половица, а будто кто-то осторожно переступил с ноги на ногу наверху, в куполе.

— Не двигайся, — одними губами прошептал Марк.

Он медленно вытянул руку, нащупал в рюкзаке фонарик и, не включая его, прижал к груди. Если сейчас вспыхнет свет, они станут идеальной мишенью.

Вдруг сверху раздался сухой, скрипучий голос — не громкий, но такой отчётливый, будто говоривший стоял прямо у них за спиной:

— Вы не должны были сюда приходить.

Лиза едва сдержала вскрик. Марк резко вскинул голову.

— Кто ты? — его голос прозвучал твёрже, чем он сам себя чувствовал. — Покажись!

В проёме лестницы, ведущей к куполу, появилась фигура. Высокий человек в длинном тёмном плаще, лицо скрыто тенью. Он не спешил спускаться — просто стоял, будто оценивая их.

— Ты не понимаешь, мальчик, — голос звучал устало, почти печально. — То, что спрятано здесь, нельзя выпускать наружу. Это не для людей.

— А для кого? — выкрикнула Лиза, и сама удивилась своей смелости. — Для тех, кто дёргает за ниточки?

Незнакомец чуть наклонил голову, словно прислушиваясь к чему-то.

— Ты много знаешь для такой юной девушки, — медленно произнёс он. — Или слишком мало. В этом и беда.

Марк наконец решился. Он щёлкнул фонариком, и луч света ударил прямо в фигуру. На мгновение всё стало ясно: плащ был старым, поношенным, а на груди у незнакомца висел точно такой же медальон, как тот, что Марк только что подобрал.

Но в тот же миг свет погас — лампочка в фонарике лопнула с тихим треском.

Снова наступила тьма.

Когда Марк щёлкнул кнопкой ещё раз, ничего не произошло.

— Бежим! — Лиза дёрнула его за рукав.

Они рванули к выходу, спотыкаясь о разбросанные обломки. Ветер снаружи взвыл, будто смеялся над ними. Едва они выскочили на площадку перед зданием, как позади раздался тяжёлый грохот — это захлопнулась железная дверь обсерватории, хотя никто её не толкал.

Или всё-таки кто-то толкнул?

Они неслись вниз по тропинке, не разбирая дороги, пока не рухнули на скамейку в маленьком сквере у подножия холма. Оба тяжело дышали, промозглый воздух обжигал лёгкие.

— Он... он знал про медальон, — выдохнула Лиза. — И у него был такой же.

Марк молча открыл тетрадь и положил рядом найденный медальон. Символы совпадали до последней чёрточки.

— Значит, мы на верном пути, — тихо сказал он. — И теперь они знают, что мы идём по следу.

Алиса

Глава 4. Человек, который знал слишком много

Дом Виктора Петровича стоял на самой окраине, там, где город будто сдавался и уступал место лесу. Старый кирпичный коттедж с покосившейся верандой выглядел так, будто его давно пора было снести, но он упрямо держался, как и сам хозяин.

— Ты уверена, что он нам поможет? — шепнул Марк, пока они шли по заросшей тропинке к крыльцу. — Если все считают его... ну, странным...

— А мы с тобой сейчас выглядим как образец здравомыслия? — Лиза чуть приподняла бровь. — Мы только что убегали из заброшенной обсерватории от мужика в плаще, у которого такой же медальон, как у тебя. Нам нужен кто-то, кто вообще не боится звучать безумно.

Дверь распахнулась прежде, чем они успели постучать. На пороге стоял Виктор Петрович — высокий, сутулый, с густыми седыми бровями и взглядом, который, казалось, видел насквозь. На нём был старый шерстяной свитер и выдавшие виды брюки.

— Долго же вы шли, — сказал он, не удивляясь их появлению. — Заходите. И не стойте на пороге — за вами могут следить.

Марк и Лиза переглянулись и быстро шагнули внутрь.

В гостиной пахло табаком, книгами и чем-то ещё — старым металлом, будто здесь хранили много ключей и замков. По стенам висели фотографии: Виктор Петрович в форме, на фоне полицейских машин, рядом с коллегами. А рядом — вырезки из газет, схемы, какие-то таблицы, исписанные мелким почерком. И повсюду — стрелки, соединяющие даты, имена, города.

— Садитесь, — Виктор Петрович кивнул на диван, заваленный папками. — Вижу, вы нашли медальон.

Лиза вытаращила глаза.

— Откуда вы знаете?

Виктор Петрович усмехнулся — без веселья, скорее устало.

— Потому что я его и потерял там, в обсерватории. Двадцать лет назад. Думал, что спрятал надёжно. А оказалось, просто кто-то ждал, когда придёт время его найти.

Марк осторожно достал медальон и положил на стол. Виктор Петрович наклонился, провёл пальцем по символу.

— Да... тот самый. Знак «Перекрёстка времён». Его рисовали те, кто пытался удержать время на месте. Или сдвинуть его. В зависимости от того, с какой стороны смотреть.

— Прыжки во времени? — тихо переспросил Марк. — Вы серьёзно?

— Серьёзнее некуда, мальчик. Только это не про машины времени и не про фильмы. Это про разрывы. Про моменты, когда время спотыкается — и в эту щель можно пролезть. Или что-то протащить оттуда. В восемьдесят седьмом году такой разрыв был самым большим за столетие. И кое-кто этим воспользовался.

Лиза подалась вперёд.

— И что они протащили?

Виктор Петрович помолчал, будто подбирая слова, которые не сделают мир ещё страшнее.

— Контроль. Способ влиять на события так, чтобы казалось, что всё идёт само собой. Чтобы никто не заметил ни швов, ни заплаток. Я пытался рассказать тогда — писал рапорты, показывал улики. Но меня быстро списали. Сказали: «Петрович, ты выгорел, иди отдыхай». А потом подделали мои подписи, переписали отчёты. И я стал тем самым сумасшедшим полицейским, который бормочет про временные петли.

Марк открыл свою тетрадь и подвинул её к Виктору Петровичу.

— Вот эти совпадения... даты, места... это тоже из-за разрывов?

Тот кивнул, быстро пробежавшись взглядом по страницам.

— Точно. Ты собрал осколки одной картины. Видишь, все эти упоминания в газетах — это не случайность. Это метки. Кто-то оставлял их, чтобы потом собрать цепочку. Или чтобы сбить с толку тех, кто будет искать.

— Но зачем? — спросила Лиза. — Зачем всё это прятать?

— Затем, что если люди узнают, что время можно подкручивать, как ручку радиоприёмника, — мир рухнет. Не сразу, но по кусочкам. А те, кто дёргает за ниточки, хотят, чтобы он рушился тихо. Чтобы никто даже не понял, что его разобрали.

За окном что-то щёлкнуло — будто ветка ударилась о стекло. Или это был не ветка.

Виктор Петрович резко встал и подошёл к окну, отодвинув занавеску. На улице было темно, только слабый свет фонаря выхватывал пустую дорожку. Но в тени у забора мелькнуло движение.

— Они уже знают, что вы здесь, — тихо сказал он. — Те, кто следит за разрывами. Они чувствуют, когда кто-то начинает складывать кусочки.

Марк сжал кулаки.

— Что нам делать?

— Бежать — бесполезно. Прятаться — поздно. Надо идти туда, где всё началось. В обсерваторию. Но не ночью, как вы сегодня. А ровно в тот момент, когда разрыв снова откроется.

— Когда это будет? — голос Лизы дрожал, но она старалась держаться.

Виктор Петрович подошёл к стене, снял одну из схем и развернул её. На ней были нарисованы круги, пересекающиеся линии и даты. Он ткнул пальцем в одну точку.

— Через три дня. В 3:17 утра. Если мы хотим узнать правду — мы должны быть там. И быть готовыми к тому, что, возможно, вернёмся не в тот же день, откуда ушли.

Глава 5. Отголоски

Следующие три дня тянулись как резина. Марк почти не спал — сидел на полу в гостиной Виктора Петровича, окружённый папками, вырезками и схемами, и пытался сложить картину, которая с каждым часом становилась всё страшнее и всё запутаннее.

Лиза ушла домой — «на несколько часов, хоть душ принять», но обещала вернуться к вечеру. Виктор Петрович не возражал, лишь проводил её долгим взглядом и тихо сказал Марку:

— Береги её. Те, кто следит за разрывами, не трогают тех, кто молчит. Но стоит кому-то узнать слишком много — и его стирают. Не физически. Хуже. Его словно вынимают из реальности: друзья забывают, документы исчезают, фотографии бледнеют. Как будто человека никогда не было.

Марк сглотнул.

— Это уже случилось?

— Один раз. Тот, кого я назову только «Клиент Ноль». Он был журналистом — упрямый, дотошный, настоящая заноза. В девяносто восьмом он нашёл те же ниточки, что и ты. Писал статью, собирал свидетелей. А потом... исчез. Не в смысле «пропал без вести». В смысле — его редакция не помнит, что он у них работал. Его мать не помнит, что у неё был сын. Его квартира сдаётся другим жильцам уже двадцать лет. Всё гладко, всё чисто. Ни одного следа.

Марк почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— И вы помните его?

Виктор Петрович медленно кивнул.

— Потому что я тоже... почти исчез. Меня оставили — но в обмен на то, что я перестану кричать. Сделали из меня дурака. А дуракам верят меньше, чем покойникам.

Он замолчал, подошёл к старому комоду и вынул из нижнего ящика потёртую кожаную папку. Положил её на стол, словно она весила тонну.

— Здесь — то, что «Клиент Ноль» успел собрать перед тем, как его стёрли. Я хранил это двадцать лет. Никому не показывал. Если эти бумаги найдут — меня не просто объявят сумасшедшим. Меня убьют по-настоящему.

Марк осторожно открыл папку. Внутри — фотографии, рукописные заметки, кассета с аудиозаписью и... конверт. Старый, пожелтевший, с датой: «14 марта 2014 года».

— Это же... — Марк не договорил.

— Крым, — закончил Виктор Петрович. — Я знаю, что ты думаешь. Все видели эти события по телевизору. Но «Клиент Ноль» нашёл кое-что другое. Не политику, не войска, не референдум. Он нашёл разрыв. В тот день, в одно конкретное мгновение, время дрогнуло — и кто-то прошёл через этот разрыв. Прямо посреди всех событий, на глазах у всего мира. И никто не заметил, потому что все смотрели в другую сторону.

Марк взял конверт, пальцы дрожали. Внутри лежал единственный листок, исписанный торопливым почерком:

«Они прошли в 2014. Я видел. Не люди — тени в форме. Без лиц. Они вышли из разрыва у мыса Херсонес, прошли через толпу и растворились. Камеры их не засняли. Но я видел. Они что-то оставили там. И это что-то до сих пор работает. Если вы это читаете — значит, меня уже нет. Но разрыв откроется снова. Снова и снова, пока они не закончат то, что начали. Найдите маяк. Он на дне.»

— «Маяк на дне», — повторил Марк вслух. — Что это значит?

Виктор Петрович покачал головой.

— Я двадцать лет пытался понять. Может, это метафора. А может — буквально. Чёрное море, мыс Херсонес, дно... Там, кстати, в древности действительно был маяк. Греческий. Ещё до нашей эры. Его руины до сих пор на дне, недалеко от берега.

— Вы хотите сказать, что «Клиент Ноль» видел, как кто-то или что-то прошло через разрыв времени прямо во время крымских событий? — Марк попытался усмехнуться, но вместо этого лишь сжал челюсть.

— Я хочу сказать, что те, кто дёргает за ниточки, давно научились прятаться в шуме больших событий. Крым, потом — кто знает, что дальше? Каждый разрыв — это возможность что-то изменить, подправить, сдвинуть. А мир хлопочет вокруг политики и не видит, что настоящая битва идёт в другом месте.

В этот момент зазвонил телефон. Не у Марка, не у Лизы — у Виктора Петровича. Старый проводной аппарат, который Марк считал давно нерабочим, вдруг разразился пронзительным треском.

Виктор Петрович побледнел. Телефон не звонил у него уже пять лет.

Он поднял трубку. Молчал. Слушал. Марк видел, как менялось его лицо — от напряжения к ужасу, от ужаса к чему-то, похожему на решимость.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я понял.

Повесил трубку. Повернулся к Марку.

— Это была Лиза.

— Лиза?! Она же домой ушла!

— Была дома. Телефон зазвонил и у неё. Ей сказали, что если мы не остановимся, завтра утром о нас никто не вспомнит. Ни один человек на планете. А потом...

— А потом что?

— Потом звонок оборвался. И Лиза обнаружила, что её мать не узнаёт её. Совсем. Как будто Лизы никогда не существовало. Она сейчас едет сюда. И если мы не успеем к разрыву раньше, чем они закончат стирать все следы — мы исчезнем. Все трое. И никто никогда не узнает, что мы были.

За окном, в темноте, снова мелькнула тень. На этот раз — не одна.

Глава 6. Маленькая победа и гость из будущего

Лиза ворвалась в дом Виктора Петровича, будто за ней гнался ураган. Её волосы были растрёпаны, куртка нараспашку, а в руках — потрёпанный школьный альбом, который она прижимала к груди, как щит.

— Я успела! — выдохнула она, едва переводя дух. — Я схватила его прямо перед тем, как мама посмотрела на меня и спросила: «А ты кто?»

Марк метнулся к ней, выхватил альбом и тут же открыл. На первой странице — фотография: Лиза в третьем классе, смеётся, держа в руках кубок за победу в олимпиаде по математике. Рядом — подпись аккуратным почерком: «Лизочке, самой умной!».

— Это доказательство, — прошептала Лиза. — Пока фото есть, пока я могу его показать — кто-то должен помнить меня.

Виктор Петрович кивнул, его лицо было мрачным, но в глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Хорошая работа, девочка. Это не просто фото. Это якорь. Пока у тебя есть вещь, которая связывает тебя с прошлым, они не смогут стереть тебя до конца.

Марк вдруг хлопнул себя по лбу.

— А медальон! — он достал из кармана тот самый металлический медальон, найденный в обсерватории. — Он ведь тоже из прошлого. И у Виктора Петровича такой же был. Может, эти штуки... как якоря?

Виктор Петрович медленно улыбнулся — впервые за всё время их знакомства улыбка получилась не горькой, а почти тёплой.

— Ты умнее, чем кажешься, парень. Да. Эти медальоны — не просто украшения. Их делали специально, чтобы человек мог удержаться в потоке времени. Как грузик на верёвке.

Лиза наконец перевела дух и посмотрела на стол, где лежала папка «Клиента Ноль».

— Значит, у нас есть якоря. Значит, мы ещё существуем. Что дальше?

Но ответить Виктор Петрович не успел.

В углу комнаты, там, где между книжным шкафом и старым креслом всегда была просто тёмная щель, воздух вдруг пошёл рябью. Как будто кто-то плеснул воду на раскалённый асфальт. Рябь ширилась, превращаясь в мерцающий овал, внутри которого мелькали чужие улицы, незнакомые вывески, машины странной формы.

И из этого овала шагнул человек.

Он был одет не в плащ, не в форму, а в странный костюм — будто из плотной серой ткани, но с тонкими светящимися линиями вдоль рукавов и по воротнику. На лице — усталость, смешанная с облегчением. В руке он сжимал небольшой прибор, похожий на часы, только с множеством циферблатов.

— Наконец-то, — выдохнул он, оглядывая комнату. — Я боялся, что опоздаю. Что вы все уже... исчезли.

Все трое замерли. Марк инстинктивно прижал к себе тетрадь и медальон. Лиза вцепилась в альбом. Виктор Петрович шагнул вперёд, загоразивая ребят.

— Кто ты такой? — голос Виктора Петровича звучал твёрдо, хотя в нём слышалась дрожь.

Незнакомец опустил прибор и посмотрел на них — не как на врагов, а как на людей, которых он долго искал.

— Меня зовут Кирилл. Я из... ну, скажем так, из будущего. Из того, где всё пошло не так. Где они всё-таки научились стирать людей без следа. Где никто не помнит ни Лизы, ни Марка, ни даже меня.

— И зачем ты здесь? — спросил Марк, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Кирилл устало провёл рукой по лицу.

— Чтобы помочь вам не допустить этого будущего. Вы — последняя точка, где история ещё может пойти по-другому. Если вы остановите их в 3:17, когда разрыв откроется снова, то мир останется таким, каким должен быть. А если нет... — он помолчал. — Тогда моё будущее станет вашим настоящим.

Лиза осторожно подняла руку, будто боялась спугнуть гостя.

— А ты... ты можешь доказать, что ты из будущего?

Кирилл чуть усмехнулся и протянул ей тот самый прибор.

— Это хронометр. Он показывает не только время, но и вероятность событий. Сейчас он говорит, что у вас есть шестьдесят семь процентов шанса всё исправить. Но если вы не пойдёте в обсерваторию — шанс упадёт до трёх.

Марк переглянулся с Лизой. В её глазах читалось то же, что и у него: страх, но и решимость.

— Значит, мы идём, — сказал Марк. — И мы не дадим им стереть нас.

Виктор Петрович подошёл к Кириллу и протянул руку.

— Добро пожаловать в прошлое, сынок. У нас тут немного хаоса, но мы держимся.

Кирилл пожал его руку и кивнул.

— Спасибо. И... есть ещё кое-что. Они знают, что я здесь. И они уже идут.

Словно в подтверждение его слов, за окном послышался тихий, но отчётливый звук — будто металл скользнул по асфальту. Тени у забора стали гуще.

— У нас мало времени, — тихо сказал Кирилл. — Но у вас есть якоря. И у вас есть друг из будущего. Этого хватит, чтобы выиграть первую битву.

Глава 7. Кто они такие

Кирилл не успел толком объяснить про шансы и хронометр — тени у забора вдруг перестали быть просто тенями. Из темноты выступили фигуры в одинаковых тёмных плащах, лица скрыты капюшонами, а в руках — странные устройства, похожие на длинные металлические трубки с пульсирующими огоньками.

— Не двигайтесь, — голос одного из них прозвучал негромко, но так, будто приказывал сам воздух. — Вы нарушаете естественный ход событий.

Виктор Петрович резко задвинул Лизу себе за спину, Марк инстинктивно сжал медальон, а Кирилл вскинул свой хронометр, будто это могло их защитить.

— Они уже здесь, — тихо сказал он. — Это Стражи Разрывов. Их задача — не дать никому узнать правду.

В этот момент Лиза вдруг выхватила из-за спины тот самый школьный альбом и резко открыла его на той самой странице с кубком.

— Смотрите! — крикнула она прямо в сторону фигур. — Вот я! Вот моё доказательство! Я была! Я есть!

И случилось странное: на секунду свет от фонаря дрогнул, и в этом дрожании тени будто потеряли чёткость — как будто реальность споткнулась.

Кирилл метнулся вперёд, выставил хронометр вперёд, и из прибора вырвался тонкий луч света, который ударил в землю между ними и Стражами. Воздух загудел, и на миг показалось, что время растянулось, как резинка.

— Бежим! — крикнул Кирилл. — К обсерватории! Сейчас разрыв откроется раньше — я его форсирую!

Они рванули прочь, оставляя позади застывшие фигуры. Ветер свистел в ушах, а город вокруг будто менялся на ходу: фонари мерцали, дома казались то ближе, то дальше, как в кривом зеркале.

Когда они наконец остановились у подножия холма, Марк тяжело дышал, но вдруг поднял голову и посмотрел на Лизу — не как на подругу, а как на кого-то, кого он только сейчас по-настоящему увидел.

— Знаешь, — выдохнул он, — я ведь даже не спросил... почему ты вообще пошла со мной в этот архив? Ты ведь терпеть не могла старые газеты.

Лиза криво усмехнулась, поправляя растрепавшиеся волосы.

— А я ведь пошла, потому что ты выглядел так, будто если я не пойду, ты просто исчезнешь в этих подшивках навсегда. Ты тогда был... одержим. С тех пор, как пропал твой отец.

Марк замер. Даже ветер будто стих.

— Ты знаешь про отца? — тихо спросил он.

— Знаю, — кивнула Лиза. — Он исчез три года назад. Ушёл за хлебом и не вернулся. Полиция сказала — ушёл сам. А ты не верил. Ты думал, что это как-то связано с его работой в архиве мэрии. Он всё время бормотал про «неправильные даты» и «стёртые страницы». Ты тогда перерыл все его бумаги, нашёл старую карту города и эти символы... и с тех пор искал хоть какую-то зацепку. А я просто... не хотела, чтобы ты искал её один.

Марк опустил голову, сжал кулаки.

— Значит, всё это время... я искал не просто заговор. Я искал его.

Виктор Петрович положил руку ему на плечо.

— И, возможно, нашёл. Потому что эти медальоны... тот, что ты нашёл, и тот, что был у меня... они не просто якоря. Они метки. Те, кто их носит, как будто помечены для перехода. И если твой отец исчез так же, как стирают людей... возможно, он где-то между разрывами. Возможно, он всё ещё ждёт, когда его найдут.

Лиза тихо добавила:

— А я... я пошла не только из-за тебя. У меня тоже была причина. После того как мама вдруг начала забывать мелочи — сначала мой любимый цвет, потом день рождения, потом... будто я стала для неё кем-то вроде знакомой, которую она видит второй раз в жизни. Я думала, это просто возраст, стресс. А потом ты показал мне эти газетные вырезки... и я поняла: что-то стирает не только людей, но и память о них. И если я не остановлю это, однажды она забудет, что у неё вообще была дочь.

Кирилл слушал всё это, не перебивая, а потом тихо сказал:

— Теперь понятно, почему вы смогли дойти так далеко. Не потому что вы самые умные или самые сильные. А потому что у вас есть то, что сильнее времени — причина не сдаваться.

Где-то наверху, в куполе обсерватории, воздух снова пошёл рябью. Разрыв открывался — раньше, чем должно было быть.

— Пора, — сказал Кирилл. — Сейчас или никогда.

Глава 8. На пороге разрыва

Разрыв пульсировал прямо в центре купола обсерватории — не как дыра, а как искажение воздуха: он переливался, будто стекло, которое нагрели до текучести. Звуки снаружи долетали сюда странно — будто сквозь толстое одеяло: далёкий гул города, скрип веток, и среди этого — ровный, механический шорох. Стражи приближались.

Марк стоял у самого края, не решаясь шагнуть. Его пальцы побелели, сжимая медальон. Рядом Лиза держала альбом, прижимая его к груди, словно он мог защитить от того, что ждало по ту сторону.

— Слушай, — тихо сказал Виктор Петрович, наклоняясь к Марку. — Твой отец был упрямым. И смелым. Он не стал бы стоять и ждать, пока его сотрут. Он бы шагнул вперёд, чтобы дать кому-то шанс. Ты на него похож.

Марк сглотнул, но кивнул.

Кирилл щёлкнул переключателем на своём хронометре. Цифры на приборе забегали быстрее, а из центра устройства вырвался тонкий луч, который лёг поверх ряби разрыва, как направляющая.

— Я не могу пойти с вами, — сказал Кирилл. — Если я появлюсь в этом времени надолго, меня тоже начнут стирать. Но я могу открыть проход ровно на три минуты. За это время вы должны успеть.

— Успеем успеть что? — голос Лизы дрожал, но она не отступила.

— Найти точку, где они закрепили якорь. То, что держит разрыв открытым. В папке «Клиента Ноль» была фраза: «Маяк на дне». Это не про море. Это про маяк времени — устройство, которое светит сквозь годы и позволяет им проходить. Оно где-то здесь. Скорее всего, спрятано прямо под пентаграммой.

Марк посмотрел на пол. Та самая неправильная пентаграмма, которую они видели в первую ночь, теперь будто светилась изнутри тусклым, болезненным светом. Линии пульсировали в такт дыханию разрыва.

— Под ней, — прошептал Марк. — Надо её сломать.

Он опустился на колени, провёл пальцами по стыкам плит. Одна из них чуть шаталась. Лиза тут же присела рядом, помогая расшатывать камень. Виктор Петрович встал у лестницы, прикрывая их от входа — туда уже доносились тяжёлые шаги.

Плита наконец поддалась. Под ней, в тёмной нише, лежал небольшой металлический цилиндр — гладкий, без швов, с тем же символом, что был на медальонах. От него тянулись тонкие, почти невидимые нити энергии, уходившие прямо в линии пентаграммы.

— Вот он, — выдохнул Марк. — Маяк.

Кирилл напряжённо смотрел на хронометр.

— У вас меньше минуты. Маяк нужно не просто вынуть — его надо деактивировать. Иначе разрыв не закроется, и они смогут проходить снова и снова. На корпусе есть маленькая выемка — в неё нужно вставить символ. Любой предмет с этим знаком сработает как ключ.

Марк не раздумывая сорвал с шеи медальон.

— Держи, — он протянул его Лизе. — Вставь.

Лиза кивнула, её руки дрожали, но движения были точными. Она вставила медальон в выемку. Раздался тихий щелчок, а потом — нарастающий гул, будто сама земля застонала.

Цилиндр вспыхнул ослепительным белым светом, а затем рассыпался в пепел. Линии пентаграммы погасли, как перегоревшие провода.

И в тот же миг разрыв начал схлопываться. Воздух вокруг съёжился, а время, казалось, на секунду замерло.

В этом застывшем мгновении Марк увидел тень — высокую фигуру в старом пальто, очень похожую на его отца. Тень подняла руку, будто хотела что-то сказать, но звук не успел родиться.

А потом время рванулось вперёд с такой силой, что всех троих отбросило назад.

Когда Марк открыл глаза, он лежал на холодном полу, а над ним склонилась Лиза.

— Ты в порядке? — её голос был хриплым от пыли и страха.

Он кивнул, сел, огляделся. Обсерватория выглядела... обычной. Старой, заброшенной, но не зловещей. Никакой ряби в воздухе. Никакого гула.

Виктор Петрович стоял у входа, тяжело дыша, но улыбался — по-настоящему, без горечи.

— Получилось, — выдохнул он. — Мы его закрыли.

Кирилл стоял рядом, но его фигура уже становилась полупрозрачной, как утренний туман.

— Да, — тихо сказал он. — Вы сделали то, что не удалось никому в моём времени. Вы не дали им закрепить маяк. Значит, будущее... изменится.

— Подожди, — Марк вскочил. — Ты исчезаешь!

Кирилл слабо улыбнулся.

— Так и должно быть. Я — из другой линии времени. Теперь, когда вы всё исправили, моя версия истории больше не нужна. Но... — он протянул Марку хронометр. — Возьми. Он покажет не время, а правду. Когда станет совсем темно, смотри на него. Он подскажет, где искать следы. И... возможно, следы твоего отца.

Фигура Кирилла растаяла, оставив после себя только лёгкий запах озона и тихий звон, который быстро растворился в шуме ветра.

Лиза села рядом с Марком, прислонившись к стене.

— Знаешь, — сказала она, — мне кажется, мама сегодня утром смотрела на меня... как будто вспомнила. По-настоящему.

Марк достал хронометр, посмотрел на циферблат. Стрелки не бежали — они стояли ровно на 3:17. И рядом, крошечными буквами, светилась надпись, которой раньше не было: «Надежда существует».

Где-то далеко внизу, в городе, снова зажглись фонари. Мир будто вздохнул с облегчением.

Но Марк знал: это не конец. Это только первый узел, который им удалось развязать. И где-то там, в других точках времени, таких узлов — ещё много.

Глава 9. Нити паука

Три дня после закрытия разрыва Марк почти не выходил из дома Виктора Петровича. Хронометр, оставленный Кириллом, не показывал обычного времени — вместо этого его стрелки медленно ползли по концентрическим кругам, иногда замирая, иногда ускоряясь, будто искали что-то. А на маленьком экранчике в нижней части прибора то и дело вспыхивали даты. Одна из них горела ярче остальных: 18 февраля 2014.

— Киев, — тихо сказал Виктор Петрович, заглядывая через плечо Марка. — Это же самый канун крымских событий. Помнишь, что написано в папке «Клиента Ноль»? «Они прошли в 2014».

Марк кивнул. Он уже перечитал записи исчезнувшего журналиста пять раз, и каждый раз находил новые детали, которые раньше ускользали. Одна фраза теперь казалась ему ключом ко всему: «Они не меняют события. Они меняют людей, которые события создают».

Лиза сидела в углу, листая на телефоне старые новости. Она уже второй день собирала всё, что могла найти про февраль-март 2014 года — не политическую аналитику, а мелочи: обрывки репортажей, eyewitness-свидетельства, форумы, где люди описывали странные вещи, замеченные в те дни.

— Вот, — она протянула телефон Марку. — Смотрите. Форум 2014 года, тема «Странные люди в Киеве во время Майдана». Один пользователь пишет: «Видел у здания Верховной Рады людей в одинаковых серых куртках. Они не фотографировали, не кричали, не держали плакатов. Просто стояли и смотрели. А потом растворились в толпе. Кто это был?»

— Серые куртки, — повторил Марк. — Как тот, что был на Кирилле.

— И ещё, — Лиза пролистала дальше. — Другой пользователь из Севастополя: «В ночь референдума у мыса Херсонес видели странный свет над водой. Не фейерверк, не прожектор. Будто кто-то включил огромный фонарь под морем. Длилось минуту, потом погасло. Моряки говорят — такого раньше не видели».

— Маяк на дне, — прошептал Марк. — «Клиент Ноль» писал про него. Значит, это правда. Разрыв действительно открылся во время крымских событий.

Виктор Петрович подошёл к стене, где висела его старая схема, и провёл пальцем по одной из линий.

— Я годами пытался понять, зачем им понадобилось именно это время. Почему не какой-нибудь древний век, не средневековые — а наше время, наши дни? И вот к чему пришёл.

Он снял схему со стены, разложил на столе. Поверх старой карты городов и дат была нарисована сеть — не хаотичная, а строго упорядоченная. В центре каждого узла стояла дата.

— Каждый крупный поворот истории — это не просто политика. Это точка, где время становится тонким. Где миллионы людей одновременно чувствуют одно и то же: страх, надежду, гнев. В такие моменты разрыв открывается сам по себе, как трещина в стекле. И они только успевают протиснуться.

Марк впился взглядом в даты на схеме. Они были расставлены с пугающей точностью:

— 1914 — Первая мировая. 1941 — начало Великой Отечественной. 1962 — Карибский кризис. 1987 — перестройка, та самая вырезка из газеты про обсерваторию. 2001 — одиннадцатое сентября. 2014 — Крым. И... — его палец замер на последней точке. — 2022.

— Двадцать четвёртое февраля, — тихо закончил Виктор Петрович. — Начало специальной военной операции. Самый большой разрыв за последние восемьдесят лет. Миллионы людей одновременно почувствовали страх, замешательство, тревогу — и время треснуло, как лёд под ногами. В этот разрыв они прошли не просто так. Они что-то установили. Что-то, что до сих пор работает.

Лиза побледнела.

— Вы хотите сказать, что начало СВО — это не просто политика? Что кто-то использовал этот момент, чтобы...

— Чтобы проложить дорогу, — кивнул Виктор Петрович. — Не за одну ночь. За десятилетия. Они уже были в 2014. Они закрепились в 2022. И каждый раз, когда мир сотрясается от очередного события, они подтягивают ещё один кусок пазла. Не видно, не слышно — но история понемногу ползёт туда, куда они хотят.

Марк открыл тетрадь на новой странице и начал рисовать. Сначала — кружок, потом от него — линии, как спицы колеса. На концах линий — даты. А в центре кружка — один символ. Тот самый, что был на медальонах и на маяке. — Что это за знак? — спросила Лиза. — Мы всё время его видим, но так и не узнали, что он значит. Виктор Петрович подошёл к комоду, достал из нижнего ящика толстую потрёпанную книгу в кожаном переплёте. На обложке было вытеснено: «Societas Temporis. Устав и летопись». — Это нашёл «Клиент Ноль». За неделю до того, как его стёрли. Книга из частной коллекции — по слухам, из библиотеки одного старого московского особняка, где в девятнадцатом веке собирались люди, которые называли себя «Обществом Времени». Они не были масонами в привычном смысле — не фартуки, не ритуалы с циркулем и угольником. Но идея была похожая: тайное общество, которое верило, что историю можно направлять. Не переписывать — направлять. Тонко. Незаметно. Как река, которую подправляют, сдвигая камни на дне. — «Общество Времени», — повторил Марк. — Societas Temporis. Виктор Петрович открыл книгу. Страницы пожелтевшие, шрифт — старославянский, перемежающийся с латинскими вставками. Он перелистнул к одной из страниц и показал Марку и Лизе гравюру: высокий человек в длинной мантии стоит на краю пропасти,

из которой поднимается свет. В руке — тот самый символ. А внизу — надпись на латыни: «Tempus nostrum, non vestrum» — «Наше время, не ваше». — Они считали, что время принадлежит тем, кто умеет им управлять, — продолжил Виктор Петрович. — А все остальные — просто пассажиры. В девятнадцатом веке они не могли ничего сделать — не было ни технологий, ни разрывов достаточно больших. Но они ждали. Передавали знания из поколения в поколение. И когда в двадцатом веке мир начал трясти от войн и кризисов — они начали действовать. — И сейчас они всё ещё действуют? — тихо спросила Лиза. — Сейчас — больше, чем когда-либо. Потому что сейчас мир трясёт сильнее, чем в любом веке до этого. И каждый кризис — для них как открытая дверь. Марк посмотрел на хронометр. Стрелки снова двигались, медленно и уверенно. А на экранчике вспыхнула новая надпись, которой раньше не было: «Следующий узел: февраль 2022. Маяк активен. Координаты: 44°36N, 33°31E». — Это же координаты, — Марк быстро вбил их в телефон. — Севастополь. Мыс Херсонес. — Тот самый маяк на дне, — кивнул Виктор Петрович. — Мы закрыли разрыв в обсерватории. Но это был только один узел. Маяк в Севастополе — другой. И если мы его не найдём и не отключим, они смогут открывать разрывы снова и снова, используя любой крупный кризис как прикрытие. Лиза встала, сжала кулаки. — Значит, нам нужно ехать в Крым. Марк посмотрел на неё, потом на хронометр, потом на старую книгу Общества Времени. — Да, — сказал он. — Но сначала мне нужно кое-что понять. Если мой отец нашёл эти же нити три года назад... куда он делся? Он тоже пошёл к маяку? Или маяк забрал его? Виктор Петрович молча перелистнул несколько страниц книги и остановился на записи, сделанной уже современным почерком — явно дописанной позже, поверх старого текста: «Тот, кто входит в разрыв без якоря, не погибает — но теряется между временами. Он видит всё: прошлое, настоящее, будущее одновременно. И если ему повезёт, он найдёт дорогу назад. Но дорога открывается только тогда, когда кто-то с этой стороны держит для него дверь.» — Кто-то держит дверь, — повторил Марк. — Значит, отец ждёт, что я её открою. Лиза положила руку ему на плечо. — Тогда мы её откроем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.